

ЗАЛ ОЖИДАНИЯ

Независимая газета
- 1999. - 29 окт. - с. 7

В среду в Хельсинки прошла премьера «Трех сестер» Валерия Фокина

Ирина
Фьелльнер-Патлах

Валерий Фокин поставил «Три сестры» на большой сцене финского Национального театра (художник Александр Боровский-Бродский). Это четвертая по счету постановка «Трех сестер» в Национальном театре. Прошлый раз, в 1971 году, жители Хельсинки могли видеть эту пьесу в постановке Георгия Товстоногова.

ПОХОЖЕ, что чеховские «Три сестры» сейчас самая модная в северных столицах русская пьеса. Полтора месяца назад премьера в Королевском драматическом театре Стокгольма, сейчас — в Национальном театре Финляндии.

чатую «Свадьбой» (Польша) и «Татьяной Репиной» (МТЮЗ, Авиньон-Москва).

Теплый солнечный свет, легкая белая занавеска, радостный женский смех. Ольга и Ирина в белых платьях, непосредственные и живые, как дети. Незаметна разница в возрасте, не видно следов печали. У Ирины в руках играет музыкальная шкатулка, от которой в финале спектакля останутся лишь обломки. Ольга и Ирина играют, стараясь вовлечь и Машу. Занавеска распахивается: слева — летний тропический уголок, с пальмами и летней мебелью, со звуками настроению Ольги и Ирины. Как контрапункт, справа неподвижно лежит Маша, на не красивом, словно вокзальном диване.

Кусок легкой белой ткани, брэнчание проволоки меняют настроение, подчеркивают разные душевные состояния. То летняя

Судорожно сжимая занавеску, хватаясь, как за спасительный барьер, прячется Ирина от признаний Соленого. Позже за нее прячется Ольга, не желающая слышать Машиних признаний в любви Вершинину.

Пальмы. Может быть, Ялта? Может быть, Африка, где должно быть сейчас жарко. Может, фрагмент чужого колониального пейзажа. Может, зимний сад. Безвозвратно потерянный мир, иллюзия счастья. Цветущие пальмы и яркое солнце — амбивалентны. Поворот малого круга — и во втором акте гаснет солнце, безобразные искусственные деревья стоят в уродливых кадках. Бросаются вдруг в глаза выбитые квадратики стеклянного потолка. Опустевший вокзал, безликий зал ожидания. Холод, сквозняк.

Между первым и вторым актом — целая вечность. Пока — праздник, надежды, мечты. Веселье и

Фокина — господа лет шестидесяти. Один лысый, другой седой. Неприлично и смешно. А потом становится грустно. Нет у них будущего, только прошлое. Но и сестры Прозоровы — такие же знаки того же уходящего мира. Контраст их утонченности — брат Андрей. С первого взгляда на этого невзрачного, безвольного, светлого толстяка ясно, что судьба его — Наташа, а не Московский университет.

Наташа входит в дом неуверенно, неуклюже спотыкаясь, толстая и неповоротливая растрепанная вымытыми щеками. Но ее притворное смущение не в состоянии скрыть хищной «хозяйской» хватки.

Протяжный гудок приближающегося поезда звучит в конце первого акта. Зловещий стук колес. Жизнь, пронесшаяся мимо, сбивающая тех, кто сам не удержится. Наташа неотвратима, как поезд.

Наташа не просто, как дятел, «долбит» мозги Андрею, чтобы добиться своего, но и изобразит сцену плотской страсти (можно вспомнить «Трех сестер» Олега Ефремова, где приставание Наташи к засыпающему Андрею некоторых шокировало. — Ред.). Увидев, что победила, быстро сменит тон. Визгливые истерики и топот вступающей в свои права новой хранительницы очага прозоровского дома. А то вдруг — балетное па, довольная собой Наташа плывет со сцены с грацией гиппопотама. «Помогать бедным людям — это обязанность богатых», — лозунг отлетает от зубов Наташи, как хорошо заученный урок. А руки энергично захватывают обратно вещи, приготовленные для помощи погорельцам. С Ириной прощается, как будто той уже и нет. Потом разгул, варварская пляска: «Велю срубить... я велю понасажать». Победительница...

Андрей постепенно сливается с поглотившей его средой: серая фигура с коляской на фоне темного задника сцены. Сестры, сменившие в последнем акте свои белые и красные платья на черные, — в трауре по своей жизни. Они сломаны и увяли, как пальмы с их именами, деревья, посаженные отцом в дни их рождения. «Тара... ра... бумбия... сижу на тумбе я...» Обезумевший Чебутыкин замирает на пальме в позе предка человеческого рода.

С каждым актом перестук поезда слышится все трагичней и безнадежней.

Хельсинки-Стокгольм

Постановщик «Трех сестер» Валерий Фокин.
Фото Натальи Преображенской (НГ-фото)

«Три сестры» — первая постановка Фокиным «полнометражной» пьесы Чехова. Она завершает на сегодняшний день своеобразную чеховскую трилогию, на-

занавеска, то импровизированная кулиса и занавес: «Что ж? Если не дают чаю, то давайте хоть пофилософствуем». Тузенбах и Вершинин — на философском диспуте.

поразительная легкость бытия призрачны, хоть и очень достоверны.

Забавная деталь, еще одно неожиданное решение: Федотик и Роде у